

Памяти Анны Генриховны Каминской (22 мая 1939 – 13 января 2022)

В ночь с 13 на 14 января 2022 года умерла Анна Генриховна Каминская – историк искусства, автор работ по русской культуре Петровской эпохи, внучка знаменитого искусствоведа Николая Пунина и названная внучка Анны Ахматовой, которую «Акума-старшая» называла с нежностью почти своим именем: «Акума-младшая», «Акумец», «Акумс».

Воспоминания Анны Генриховны о семье Пуниных-Аренсов, об Ахматовой разбросаны по сборникам, журналам, по многочисленным интервью в Интернете. Память у нее была удивительная. Анне Генриховне можно было позвонить с каким-то «ахматовским» вопросом – и нередко тут же получить картинку события и дня, ну, например, шестидесятилетней давности.

Так, в 2018 году я расспрашивала ее про одну непонятную, подписанную именем Ахматовой мартовскую телеграмму 1952 года, которую Анна Генриховна расшифровала, пояснив, что она написана не «Акумой». Больше тогда уже никто не смог бы этого сделать. Заодно Анна Генриховна рассказала о других событиях той весны. Она вспомнила свой приезд в Москву в начале мая 1952 года (я, к сожалению, записала ее рассказ кратко, от руки, и, возможно, не очень точно). По дороге пассажиров поезда почему-то надолго остановили в поле, разрешили выйти. Аня пошла в поле, набрала каких-то белых ранних цветов (не подснежников). На вокзале ее встречали Ахматова, Пастернак и, кажется, Эмма Григорьевна Герштейн. Анна Андреевна, получив цветы, спросила, откуда они, и после рассказа Ани была в ужасе, что девочка могла остаться в чистом поле. Ахматова сказала, что Аню надо в Москве как-то развлечь – и Пастернак ответил, что постарается достать ей пропуск на Красную площадь на 9 мая: посмотреть на Сталина. И достал. «Так я увидела Сталина – не Сталина, он помахал нам рукой. Это, наверно, уже не Сталин был. Говорят, вместо него был один из его двойников».

Расспрашивая Анну Генриховну про отношения Ахматовой с Берггольц, я услышала, в частности, такой рассказ (это краткая запись):

«Ольга Федоровна всегда была. Она часто приходила в 1946 – 1949 годах. Всем, чем могла, помогала. Я при их разговорах обычно не присутствовала. Акума иногда меня звала, чтобы показать, как я танцую или еще что-то делаю.

Но Акума от нее деликатно отстранялась. Не хотела ассоциироваться с партией. И не очень любила ее стихи». «Ольга Федоровна привела к Анне Андреевне фотографа Зиверта, чтобы сфотографироваться с ней для “Ленинградской правды”. Акума была очень недовольна». Ахматова тут же велела Ирине Николаевне Пуниной одеть и привести Аню и сфотографировалась с «внучкой». «В газете подпись: “Ахматова читает стихи своей внучке”. Помню, я прятала ноги, чтобы не видно было дырявых

валенок. С Ольгой Федоровной тоже была сделана фотография, но она никуда не пошла.

Тогда Анна Андреевна впервые назвала меня внучкой. Когда я пошла в первый класс в 1948 или в 1947 году, она себя записала бабушкой. Чтобы меня не забрали в больницу, когда я болела скарлатиной: бабушка не работает, может ухаживать. Скарлатина была на ноябрьские праздники, на майские – корь. Во время скарлатины у меня была еще ветрянка. Акума говорила: “Настоящая оспа”. Она мазала мне каждую штучку марганцовкой.

Ей нравилось, что рядом кто-то маленький. И еще она любила хвастаться – не хвастаться – демонстрировать, особенно перед Николаем Николаевичем, какая она бабушка. Ей нравилось быть “на коне”».

В интервью газете «Дело» А. Г. Каминская так ответила В. Бузинову на вопрос, что осталось в ее сердце от общения с Ахматовой: «Ее доброта и душевность по отношению к моей маме и ко мне. Я не помню Анну Андреевну до войны, но помню, как <...> в Ташкенте она пришла, чтобы встретить идущий в Москву наш самаркандский поезд. Я сразу же залезла к ней на колени... Она вспоминала об этом: “Видимо, почувствовала, что я тебе, как родная”. А она и оказалась родной. Анна Андреевна ухаживала за мной, когда я болела, читала мне вслух книги, водила гулять, заставляла по системе Берлица учить французский, заниматься акробатикой. Она очень радовалась любым моим успехам. А в день окончания школы подарила свое большое зеркало, в которое я иногда заглядываю и теперь. Она вообще была щедрa на подарки. Помню, как одаривала близких, получив премию “Этна-Таормина”. В Италии тогда ее сопровождала моя мама, а я, уже позже, ездила с Анной Андреевной в Англию, где ей вручали мантию почетного доктора литературы Оксфордского университета. Я никогда не забуду, какое царственное выражение лица было у нее в этот момент... А мы звали ее Акумой <...> Акума, Акума, как же я обязана ей в своей жизни...».

Ахматова же записала в Москве в ноябре 1965 года, лежа в последней своей больнице:

«Finis

Сегодня, в понедельник, – последний Анин день. Она была очень добра ко мне, приходила в больницу к 9-ти утра, ходила, как за своей. Мне будет плохо без нее, но отраднo видеть такой пример душевного величия. Вся больница от нее в восторге. <...> Аня осталась. Ура! Писали вместе письмо в Лондон».

Из воспоминаний филолога Е. А. Пазухина о встрече с Ахматовой в начале 1960-х годов: «...красавица Аня. Анна Андреевна относилась к ней как к внучке, потому что она узнавала в ней свою молодость».

Но связь между двумя Аннами была не только родственной. В. Б. Кривулин вспоминал: Ахматова «очень зависела от Ани Пуниной, как ни странно. От “молодежи”, как она говорила. Для нее мнение Ани относительно молодой поэзии или вообще нового искусства, похоже, было решающим».

В записной книжке, представляя себе возможное будущее юбилейное издание «Поэмы без героя», Ахматова включила в него «Истор<ико>-арх<ивную> справку о Ф<онтанном> Доме Анны Каминской».

А. Г. Каминская и И. Н. Пунина были в числе тех, кто активно боролся за создание Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Для них это был и музей Н. Н. Пунина, памяти которого они были глубоко преданы и для издания работ которого много сделали. Да и вообще – это был музей их семьи. Как верно отметила Н. И. Попова, Анна Генриховна была «последней, кто мог назвать это место – квартиру 44 в Фонтанном Доме – своим домом».

А. Г. Каминская продолжала рассказывать – свидетельствовать – о жизни Ахматовой почти до конца жизни собственной. Немногие знают, что, снимаясь в 2019 году в документальном фильме Е. Якович «Анна Ахматова. Вечное присутствие», она преодолевала жестокие боли и была уже почти слепа. Волновалась, не будет ли это заметно. Заметно не было, она великолепно держалась.

Примерно год назад она уже почти перестала брать телефонную трубку. У меня на столе лежит длинный список того, что я надеялась у нее спросить – и не смогла. Теперь на эти вопросы ответить некому.

Все, кто занимается жизнью и творчеством Ахматовой, кто знал Анну Генриховну Каминскую и общался с ней, сейчас думают то же, что В. А. Черных, написавший в письме сразу после ее смерти: «Обрываются последние ниточки, которые связывали нас вживую с Анной Ахматовой».

О. Рубинчик